

⁸ Гин Я.И. Поэтика грамматического рода... С. 92—99; Он же. О поэтике... С. 101—110; см. также: Он же. Грамматические особенности олицетворения существительного «горе» // Язык русского фольклора. Петрозаводск, 1985. С. 105—113; Он же. Грамматические особенности олицетворения существительных среднего рода // Он же. Проблемы поэтики... С. 26—36.

⁹ Гин Я.И. Поэтика грамматического рода... С. 99—105, 105—114; Он же. О поэтике... С. 110—127. Ср. также: Он же. К истолкованию финала плача Ярославны // Исследования «Слова о полку Игореве». Л., 1986. С. 81—86.

¹⁰ Гин Я.И. Из наблюдений над грамматической категорией рода в русской народной сказке // Язык жанров русского фольклора. Петрозаводск, 1977. С. 114—127; То же // Гин Я.И. Проблемы поэтики... С. 9—25.

¹¹ Гин Я.И. Поэтика грамматического рода... С. 120—141; Он же. О поэтике... С. 131—156.

¹² Гин Я.И. О семантической структуре традиционной фольклорной рифмы // Язык русского фольклора. Петрозаводск, 1985; То же // Гин Я.И. Проблемы поэтики... С. 65—74.

¹³ Гин Я.И. Проблемы поэтики... С. 71—72.

¹⁴ Гин Я.И. Заметки о русском про-вербиальном пространстве // Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора: Тез. симпозиума. М., 1988. Ч. 1. С. 141—143.

¹⁵ Гин Я.И. О перспективах изучения поэтики диалога: коммуникативный статус малых жанров фольклора // Он же. Проблемы поэтики... С. 128—130.

¹⁶ Ради того, чтобы высказать некоторые мысли о фразеологии (как он писал автору этих строк), он напечатал незадолго до похвальной рецензии на книгу В.М. Мокиенко (Сов. этнография. 1988. № 4. С. 158—160).

¹⁷ Гин Я.И. Днепр — Непра — Лелепр: О поэтике гидронима в фольклоре и литературе // Язык русского фольклора. Петрозаводск, 1992. С. 109—116; Он же. Из комментариев к «Евгению Онегину»: Агафон // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 25. СПб., 1993. С. 135—143; То же // Гин Я.И. Проблемы поэтики... С. 164—172, 173—185; Он же. О поэтике... С. 242—256; Он же. Слово — образ — миф: русское авось // Он же. Проблемы поэтики... С. 186—187.

¹⁸ Гин Я.И. Опыт лингвопоэтической интерпретации грамматического рода: Пел переделкинский Филумела // Литературный текст: Проблемы и методы изучения. Калинин, 1987. С. 47—60; То же // Гин Я.И. Проблемы поэтики... С. 141—156; Он же. О поэтике... С. 225—241; Он же. Судьба Филомелы в русской поэзии // Русская речь. 1990. № 4. С. 32—39; То же // Гин Я.И. Проблемы поэтики... С. 156—163.

¹⁹ Не будем уже говорить о письмах Гина, из которых кое-что опубликовано (между прочим письмом об анекдотах в «Новом литературном обозрении», 1992. № 1. С. 84—85).

Г.А. ЛЕВИНТОН,

канд. филол. наук;

Европейский ун-т в Санкт-Петербурге

ПАМЯТИ К.В. ЧИСТОВА (1919—2007)

Год назад, 29 октября 2007 г. скончался замечательный отечественный фольклорист, доктор филологических наук, профессор Кирилл Васильевич Чистов, член-корреспондент РАН, вице-президент Международного общества исследователей повествовательного фольклора, почетный член нескольких международных научных обществ. Ниже мы помещаем несколько публикаций, посвященных его памяти.

А.А. ЧУВЬЮРОВ

«МЫ С ВАМИ ИЗ ЭПОХИ ДИЛИЖАНСОВ»

С Кириллом Васильевичем я познакомился в 1994 г., когда определялся в аспирантуру Музея антропологии и этнографии. Заочное же мое знакомство с ним состоялось десятилетием раньше — в пору моего обучения в Сыктывкарском университете, когда мне в руки попала его книга «Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв.». В ту пору я не думал о научной карьере и, конечно же, не мог даже думать о том, что когда-нибудь судьба даст мне шанс познакомиться с автором полюбившейся мне книги. Поэтому согласие Кирилла Васильевича на научное руководство моей диссертацией было для меня неожиданным...

Наше общение продолжалось на протяжении 13 лет. В последний раз мы говорили (правда, только по телефону) в начале сентября 2007 г., накануне Рябинских чтений, на которые я в первый раз, по «благословению» Кирилла Васильевича, попал в 1999 г. Договорились, что мы встретимся после петрозаводской конференции, но наша встреча так и не состоялась...

В Кирилле Васильевиче удивительным образом сочетался большой ученый и талантливый педагог. Люди, которые приходили к нему в аспирантуру, были различны по своим дарованиям и по степени готовности к научной работе, но в любом случае Кирилл Васильевич умел достигать результата. У него было особое педагогическое чутье: он умел находить нужное слово, нужный тон, наиболее эффективные в том или ином случае.

Вспоминается такой эпизод. Как-то я опоздал на встречу с Кириллом Васильевичем. Мы договорились, что я приеду к 11 часам в отдел этнографии восточных славян. Я был после ночного дежурства и, пока собирался, замешкался и пришел в отдел с опозданием на 20 минут... «Мы с вами договорились встретиться в 11 часов, а сейчас уже 20 минут двенадцатого. В 12 у меня назначена встреча, но поработаю, сколько успею», — заметил Кирилл Васильевич. Татьяна Александровна Бернштам,

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ ЧУВЬЮРОВ, канд. филол. наук; Российский этнографический музей (Санкт-Петербург)

К.В. Чистов во время экспедиции на Онежском озере. 1950-е гг.

которая также находилась в кабинете, посетовала, что один из сотрудников отдела, который также пообещал прийти к 11 часам, до сих пор отсутствует, хотя скоро будет уже половина двенадцатого. Сама она, заметила Т.А., если назначена встреча, старается выходить так, чтобы исключить всякие охи. Кирилл Васильевич улыбнулся, посмотрел на меня и заметил: «Наверное, нынешнее поколение немного по-другому воспитано, — затем, обратившись к Татьяне Александровне, сказал: — Мы с вами из эпохи дилижансов, — и после небольшой паузы добавил: — Это не недостаток, а достоинство». Для меня это был урок, и в дальнейшем, когда мы с Кириллом Васильевичем договаривались о встрече, я старался договориться на такое время, чтобы исключить какие-либо охи.

Вспоминается другая история. В первые годы учебы в аспирантуре я проявлял чрезмерную активность в отношении конференций. Как-то раз, во время нашего очередного разговора с Кириллом Васильевичем я упомянул про одну из них, на которую я собирался, и показал информационное письмо. Кирилл Васильевич внимательно посмотрел инфор-

мационное письмо, улыбнулся и заметил: «Это, конечно, интересно, но, как говорил парикмахер с улицы Лермонтовской, "всех не переброешь". Важно правильно расставить приоритеты. Есть исследователи, которые более десяти лет уже занимаются исследовательской деятельностью, написали десятки статей, а их деятельность так и не вышла в какое-нибудь серьезное монографическое исследование. Везде не успеть. Так что всегда приходится выбирать, что для вас важнее». Не сразу, а лишь спустя годы я понял глубину этого, казалось бы, простого замечания.

Наше, условно говоря, первое аспирантское занятие началось с беседы, во время которой Кирилл Васильевич подробно меня расспрашивал о семье, о работе и о моих занятиях, прибавив: «Не удивляйтесь, что я так подробно вас обо всем расспрашиваю. Мне нужно знать ваши нагрузки, чтобы правильно составить план нашей совместной работы».

Осенью 1995 г. я принес первый набросок введения диссертации. Относительно теоретической части моей работы Кирилл Васильевич сказал: «Это пока что самая слабая часть вашего введения. У вас слабые тылы. Вам надо подтянуть теорию. Сейчас открываются аспирантские курсы — Европейский университет. Историю этнографии там будет читать Альберт Кашфуллович Байбурун. Сходите, запишитесь на его курсы. А после лекций приезжайте, мы будем разбирать вопросы, которые будут у вас возникать. Если будут какие-то сложности, позвоните. Я тогда сам переговорю с Альбертом Кашфулловичем».

Так начался мой этнографический и фольклористический ликбез. Я приходил к Кириллу Васильевичу, пересказывал лекцию, а затем мы обсуждали ее. А это было время, когда Кирилл Васильевич работал над подготовкой к изданию «Причитаний Северного края». Несмотря на загруженность, у него находилось время для занятий со мной.

Кирилл Васильевич был очень чутким, внимательным человеком. Он всегда тяжело переживал известия о болезни или о каких-то несчастьях знакомых ему людей. Вспоминается такой эпизод. Накануне своей очередной поездки в Сыктывкар я приехал к Кириллу Васильевичу. Мне показалось, что он чем-то расстроен. «Мне сообщили, что Николай Дмитриевич Конаков¹ лежит в больнице, — сказал Кирилл Васильевич. — У меня к вам будет просьба. Когда будете в Сыктывкаре, зайдите в больницу к Николаю Дмитриевичу. Скажите, что Кирилл Васильевич часто вспоминает вас и что Кирилл Васильевич подчеркивает ту роль, которую сыграли вы в становлении нынешнего этнографического отдела Коми научного центра. В таком положении человеку очень важна поддержка».

И таких эпизодов в жизни Кирилла Васильевича было много. Я знаю, что когда заболел сын А.К. Микушева, то

возникла проблема: нигде не могли найти выписанного лекарства. Когда об этом узнал Кирилл Васильевич, он связался со своими знакомыми в Венгрии и через них нашел нужное лекарство.

На протяжении многих десятилетий он оказывал помощь аспирантам из Петрозаводска, Сыктывкара и других городов.

Кириллу Васильевичу было присуще особое чувство ответственности за своих аспирантов. В конце 1999 г. Е.М. Юхименко предложил ему подготовить статью для сборника «Старообрядчество в России». Кирилл Васильевич решил подготовить публикацию текста «Путешественника» Марка Топозерского из сборника, хранящегося в Древлехранилище ИРЛИ. Кирилл Васильевич попросил меня сделать выписку из этого сборника. Спустя некоторое время он попросил меня набрать на компьютере текст машинописи. Это была статья «Список "Путешественника" из Рязанской губернии», позже опубликованная в вышеупомянутом сборнике под редакцией Е.М. Юхименко. В углу статьи рядом с фамилией и инициалами Кирилла Васильевича стояла моя фамилия. Я подумал, что она поставлена как памятка, кому передать текст для компьютерного набора. Через некоторое время я принес готовую работу. Кирилл Васильевич просмотрел текст, нет ли в нем опечаток, а потом вернулся к первой странице: «Вы здесь упустили отпечатать свою фамилию». Я стал объяснять Кириллу Васильевичу, что мое участие в этой статье свелось лишь к технической помощи и поэтому я не могу быть в числе соавторов. «Я никогда не пользовался чужими трудами, — сказал Кирилл Васильевич. — Вы сходили в ИРЛИ, переписали текст и набрали его на компьютере. Кроме этого, есть еще одна причина. Сейчас непонятная ситуация с нашим диссертационным советом и неизвестно, как скоро он заработает вновь. По этой причине защита вашей диссертации

может задержаться. А я в том возрасте, когда не можешь поручиться за завтрашний день. А мне хотелось бы, чтобы вы защитились. Поэтому важно, чтобы люди знали, что я был вашим научным руководителем. Отпечатайте текст заново и впишите свою фамилию...» Так появилась моя единственная публикация «в соавторстве» с Кириллом Васильевичем².

Апостольский призыв «не оставайтесь должным никому, кроме взаимной любви», в определенной мере являлся и жизненным принципом Кирилла Васильевича. В конце 1990-х гг. Кирилл Васильевич стал работать над продолжением своей монографии «Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв.» и мне предложил принять участие в этом проекте, набирая на компьютере его машинописные тексты. Кирилл Васильевич сказал, что в смету гранта заложена определенная сумма на эти работы. Когда работа была уже выполнена и деньги мною были получены, я приехал к Кириллу Васильевичу. Вначале он, как обычно, расспросил меня о моих домашних делах. А потом подошел к столу и передал мне конверт, на котором была написана моя фамилия, со словами: «Это подарок вашим детям. Скажите, подарок от Кирилла Васильевича». Мне было неловко. Я подумал, что слишком откровенными своими рассказами о семейных делах я спровоцировал Кирилла Васильевича на этот шаг и стал отказываться, но он настоял на своем, предупредив: «Только пусть это останется между нами». Дома, открыв конверт, я обнаружил там сумму, которая в то время примерно равнялась моему двухмесячному заработку в музее.

Последние годы были трудными для Кирилла Васильевича: они были омрачены потерей дорогих для него людей: его жены Беллы Ефимовны, В.С. Бахтина, Е.М. Мелетинского, Г.В. Старовойтовой, Ю.Ю. Сурхаско, Р.Б. Калашниковой... Перенести тяжесть утрат ему в какой-то

В.М. Гацак, К.В. Чистов, В.А. Бахтина, Е.М. Мелетинский. На конференции. 1999 г.

мере помогала работа. Было два крупных проекта, над которыми он работал в эти годы: социально-утопические легенды и книга воспоминаний. Огромную помощь в реализации этих проектов оказала Татьяна Григорьевна Иванова. Сейчас, вспоминая Кирилла Васильевича, мне хотелось бы от лица всех тех, в чьей научной биографии принял участие Кирилл Васильевич, поблагодарить Татьяну Григорьевну за эту помощь.

Накануне Нового года по телевизору показали фильм Куросавы «Еще нет». Герой фильма вдруг напомнил мне Кирилла Васильевича. Конечно, Кирилл Васильевич не совершал таких чудачеств, как профессор Учидо, но его взгляды на жизнь, отношения с людьми некоторым, наверное, могли показаться чужаковатыми, старомодными... Я думаю, многие из нас могли бы повторить в отношении Кирилла Васильевича слова учеников профессора Учидо: «Наш профессор из чистого золота, золота высшей пробы...»

У Кирилла Васильевича были удивительно добрые глаза, особенное рукопожатие: мягкое, сердечное. Всякий, кому приходилось бывать в квартире Чистовых, ощущал это душевное тепло. Вместе с хозяином выходил встречать гостей белый ангорский кот Горбик, который неизменно становился участником бесед. Как-то раз Кирилл Васильевич рассказал мне историю с имянаречением Горбика. Когда принесли котенка, у него на лбу было темное пятно, как у М.С. Горбачева. И в шутку кота называли Горбик. Спустя некоторое время пятно мистическим образом исчезло, по времени это совпало с распадом СССР и упразднением поста президента СССР.

Кирилл Васильевич был человек нерелигиозный, но в нем была особая совестливость, свойственная не многим религиозным людям. Его рассказы о своей жизни невольно заставляли меня пристальней посмотреть на свою жизнь: всё ли я делаю правильно. Я начинал перебирать свои поступки, думать, а как бы в том или ином случае поступил Кирилл Васильевич, что бы он сказал о том или ином поступке. Собственно, и сейчас всякий раз, вспоминая Кирилла Васильевича, я переживаю то же самое...

В заключение мне хотелось бы привести слова Г. Гессе, сказанные в отношении Роберта Вальзера: «Если бы у Вальзера было сто тысяч читателей, мир стал бы лучше». Мне хотелось бы немного перефразировать это высказывание: если бы людей, которые близко знали Кирилла Васильевича, было бы на сто тысяч больше, мир стал бы немного лучше.

Примечания

¹ Н.Д. Конаков — заведующий отделом этнографии КНЦ УРО РАН в 1980—1990-е гг.

² Чистов К.В., Чувьоров А.А. Список «Путешественника» из Рязанской губернии // Старообрядчество в России (XVIII—XX вв.). М., 2004. Вып. 3. С. 251—256.